

— ...Учитель, монаху не пристало лгать... так что скорее приковывай.

После ухода Чанъаня Цзи Саньмэю стало скучно. Он вышел прогуляться, стащил из кладовки медную цепь толщиной в палец с висячим замком, долил в бассейн горячей воды, приковал себя в уборной и стал ждать Шэнь Фаши, чтобы устроить тому сюрприз. Увы, ребёнок не выдержал ночи без сна — в тепле и пару сон сморил его окончательно. Так он и уснул, свесив голову, идеально разминувшись с Шэнь Фаши.

Шэнь Фаши молча быстрыми шагами приблизился, схватил мальчишку в охапку и принялся безумно целовать ему заднюю часть шеи. Влажные, яростные поцелуи заставили Цзи Саньмэю крикнуть. Он даже не открыл глаз, лишь провёл бёдрами по животу Шэнь Фаши взад-вперёд.

Очнулся он уже не в уборной, а на кровати Шэнь Фаши, крепко-накрепко связанным. Руки были стянуты тонкой верёвкой за спиной, изящные ключицы, неразвитые сосочки, узкие бёдра — всё было перехвачено узлами. Шэнь Фаши в это время упражнялся в каллиграфии в другом конце комнаты.

Цзи Саньмэй пошевелился и обнаружил, что Шэнь Фаши связал его не туго — двигаться можно было свободно. Однако это лишь разожгло его возбуждение, и низ живота занял жаркой пульсацией.

... Брат Шэнь сам меня связал!

Обрадовавшись, Цзи Саньмэй тут же осознал, что в текущем состоянии ничего стоящего из него не получится. Немного погрузив, он всё же умудрился сесть.

— ...Учитель?

Шэнь Фаши отложил кисть:

— Проснулся?

Цзи Саньмэй кивнул и опустил взгляд на переплетения верёвок на своём теле.

Шэнь Фаши продолжил:

— Я говорил: если снова убежишь — прикую.

Цзи Саньмэй улыбнулся:

— Учитель связал не туго. Всё равно жалеешь.

Шэнь Фаши дрогнул кистью. Писать дальше не было сил. Он отложил кисть, подошёл к столу и с лакированного расписного подноса взял маленькую пиалу.

— Старший Сюй прислал суп из сердцевин лотоса. Поешь немного.

Цзи Саньмэй потянулся было рукой, но Шэнь Фаши остановил его:

— Рука ранена, не шевели. Рот открой.

Цзи Саньмэй, конечно же, послушно принял угощение. Суп из сердцевин лотоса, поданный со льдом, оказался на удивление... острым. Цзи Саньмэй причмокнул.

— ...Острый.

Шэнь Фаши удивился, зачерпнул ложечку и отправил себе в рот.

... Где тут острота?

Не успел он спросить, как заметил многозначительный, игривый взгляд Цзи Саньмэя.

Он провёл языком по уголку губ.

Они ели с одной ложки.

Щёки Шэнь Фаши слегка порозовели. Он опустил голову, зачерпнул ещё одну ложку и снова поднёс её к губам Цзи Саньмэя.

— Да, немного остро.

Цзи Саньмэй на миг остолбенел, а затем расхохотался.

... Брат Шэнь быстро прогрессирует. Уже научился парировать.

...

Чанъань и Ван Чуаньдэн добрались до того самого глухого леса, где обрывались птичьи следы.

Ван Чуаньдэн нашёл относительно сухую полянку, уселся и, не спрашивая ничьего мнения, достал из-за пазухи свиток и развернул его.

Чанъань пристроился рядом, попытался заглянуть, но Ван Чуаньдэн отпихнул его ладонью.

— Детям это не смотреть.

Чанъань покорно «ун» и в самом деле отвёл взгляд. Под щебетание птиц он неспешно принялся за еду и между делом спросил:

— Старший брат, мы сегодня не вернёмся?

Ван Чуаньдэн, не поднимая головы:

— Угу. Сегодня ночью не вернёмся. Эти твари наверняка прячутся где-то здесь. Подождём, пока вылетят, и по следам выйдем на их логово.

Проговорив это, он развернул свиток ещё немного. Чанъань невольно скользнул взглядом и удивился.

— Старший брат, что ты читаешь?

Ван Чуаньдэн поднял голову, понял, что из-под его руки выглянуло название на бамбуковых планках, и, раз уж Чанъань увидел, не стал скрывать.

— «Треножник Асуры».

— Я вчера слышал, как вы с учителем спорили об этом. Это что, могущественное тайное искусство?

— Вовсе нет, — ответил Ван Чуаньдэн. — Просто иллюзия, позволяющая во сне вернуться в прошлое. Фальшивей не бывает.

— А прошлое... настоящее? — поинтересовался Чанъань.

Ван Чуаньдэн осклабился:

— Настоящее. Но чтобы пробить барьер времени, нужна огромная сила. Мне до неё пока как до неба.

— А что можно сделать, вернувшись в прошлое во сне? — спросил Чанъань.

— Сон в летнюю ночь, — ответил Ван Чуаньдэн. — Раз это сон, можно делать всё, что захочешь. Но если плохо знаешь то прошлое, в которое попал, сон исказится. А если исказится слишком сильно — человек сойдёт с ума. Он помолчал, затем переспросил:

— Чанъань, а если бы ты мог вернуться в прошлое, что бы сделал?

Чанъань, подперев щеку, обстоятельно подумал.

— Я бы пораньше отправился в город Юньян и выкупил младшего брата. А ты, старший брат?

Ван Чуаньдэн закрыл книгу и, подражая ему, тоже задумался.

— ...Я бы нашёл одного человека. Хотя бы... узнал, где он сейчас и что делает.

В ту ночь ни Цзи Саньмэй с Шэнь Фаши в усадьбе Сюя, ни Чанъань с Ван Чуаньдэном, оставшиеся у входа в глухой лес, так и не дождались нового появления Призрачных колесниц.

Они попросту испарились.

Чёрной тучей налетели они, с грохотом пронеслись над усадьбой Сюя, оставив после себя разгром, а затем растворились в небе, словно облако, оставив после себя лишь зловещий оттенок. Казалось, любая тёмная тучка могла быть их воплощением.

Раз они не шли на контакт, Цзи Саньмэй тоже не спешил.

Не идут ко мне — и я не пойду к ним. Затяжная война, посмотрим, кто кого пересидит.

Той ночью Призрачные колесницы, затмившие небо, напугали окрестных жителей до полусмерти. Пережив эту ночь, даже несмотря на то что Сюй Тай собрался с духом и принялся обивать пороги соседей с извинениями, все заявили, что больше такого кошмара не переживут. Кто-то переехал, кто-то укрылся у родни — окрестности моментально опустели.

Однако та самая госпожа Ло, что при первой встрече так отважно облила водой Чанъаня и Цзи Саньмэя, несмотря на то что её дом отделяла от усадьбы Сюя всего одна стена, осталась на месте с одной служанкой, вросла в землю корнями и ни за что не собиралась уезжать — держалась крепче, чем иные скалы.

Цзи Саньмэй, восхитившись её стойкостью, не стал лезть к ней с расспросами о прошлых событиях, а просто делал своё дело: каждый день ходил убаюкивать маленького господина Сюя, а когда тот наконец засыпал, отправлялся на бесцельную прогулку.

Река Ишуй, подобная пьяной красавице, покоилась у подножия зелёных гор. На её берегу

зеленел свежий лотосовый пруд. Обнаружив это живописное местечко, Цзи Саньмэй сделал его своим постоянным пристанищем. Он часто лежал у беседки, пуская дымок из трубки, стоило ему лишь перевернуться — и он срывал увесистый лотосовый стручок. Ему нравилось разбирать плотные, мясистые волокна, выковыривать полные, нежные семена лотоса и бросать их в белую фарфоровую пиалу.

Вскоре он набрал полную пиалу белоснежных семян. Прижимая её к груди, окружённый ароматом лотоса, он ощущал глубокое, всепоглощающее удовлетворение.

Если Шэнь Фаши не находил Цзи Саньмэя, ему стоило лишь отправиться к беседке на реке Ишуй.

Каждый раз, входя в беседку, он видел одно и то же: полную пиалу семян лотоса, кучу зелёных стручков на земле, дымящуюся трубку, сорванный наобум цветок лотоса, лёгкую дымку пара и крепко спящего Цзи Саньмэя.

Так продолжалось три дня. Однако на четвёртый день, когда Шэнь Фаши снова пришёл к беседке, он обнаружил там ещё и милостивую, скромную девочку с множеством косичек. Она сидела напротив Цзи Саньмэя, и они оживлённо беседовали.

Цзи Саньмэй говорил что-то, от чего она звонко смеялась. Прижимая к себе пиалу с лотосами, она с сияющими глазами смотрела на него:

— Братец, покажи ещё разок, можно?

Уголок губ Цзи Саньмэя изогнулся в пленительной, игривой улыбке. Он соединил указательный и средний пальцы, медленно провёл ими перед глазами девочки, затем ловко щёлкнул — и перед ней распустился цветок лотоса с двумя бутонами.

В глазах девочки тоже расцвёл цветок:

— Как красиво!

Цзи Саньмэй покормил её семенем лотоса:

— Жаль, жаль. Рядом с тобой, Аюнь, даже такой цветок не кажется слишком уж красивым.

Аюнь, конечно, не понимала таких изысканных комплиментов, но чувствовала, что это что-то хорошее. Она, вертя в руках край пиалы, смущённо захихикала. Два её молочных клыка были точь-в-точь как у Цзи Саньмэя — милые и задорные.

— Братец, как ты здорово говоришь.

<http://bllate.org/book/16281/1466196>